

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ

ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

№ 11.

13 МАРТА 1860 Г.

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ газетныхъ экспедиціяхъ. Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова. Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1-го со всѣми приложеніями.

Къ № 11-му прилагаются: романсъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепіано „Si tu le vois“ соч. Зыбнкой и для фортепіано въ двѣ руки. „Wagim“ соч. Шумана.

Содержаніе: Концерты. — Московскія театральныя письма. — Живопись и музыка. — Вѣсти отсюда. — Некрологъ. — Музыкальныя извѣстія.

КОНЦЕРТЫ.

Концерты Дирекціи Императорскихъ театровъ составляютъ, безъ сомнѣнія, въ полномъ смыслѣ замѣчательное явленіе въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Вотъ гдѣ слово *концертъ* примѣнено вполне *законно*, гдѣ высокая цѣль и значеніе этого слова достигнуты вполне; вотъ *истинный* концертъ, такъ краснорѣчиво свидѣтельствующій до какой степени употребляютъ во зло это слово многіе господа, объявляющіе, ни мало не краснѣя, *больше концерты*; однимъ словомъ, бывшіе въ прошлое воскресенье въ Большомъ театрѣ могли наконецъ сказать себѣ, что присутствовали на истинномъ музыкальномъ празднествѣ и наслаждались вполне. Всякій, кто искренно любитъ искусство, не можетъ не принести благодарности Дирекціи, за доставленіе намъ случая знакомиться съ произведеніями великихъ художниковъ, въ исполненіи тоже вполне художественномъ; исполненіе такое только возможно при богатыхъ средствахъ Дирекціи, и, поэтому честь и слава возимъшимъ и исполнившимъ благую мысль, которая будетъ имѣть такое благодѣтельное вліяніе на развитіе у насъ истиннаго музыкальнаго вкуса и вслѣдствіе этого музыкальности вообще. Въ программу концерта вошли произведенія, о которыхъ неоднократно подробно было говорено въ Вѣстникѣ и слѣдовательно намъ остается только сказать, что исполненіе этихъ произведеній, благодаря согласію и соблюденію мельчайшихъ отгѣнковъ, было дѣйствительно замѣчательно: вся эта масса, составленная изъ слишкомъ трехъ сотъ музыкантовъ и хористовъ, составляла одно цѣлое, стройное, повинувся взмаху опытнаго капельмейстерскаго жезла г. Шуберта—мастера своего дѣла; вся эта масса была глубоко проникнута мыслию, что ей предстоитъ честь

передать геніальныя созданія великихъ людей и исполнила свое дѣло съ истиннымъ увлеченіемъ, не то что говорится *ex professo*, а истинно-артистически. Публика была въ восторгѣ и большая часть концерта была, по общему требованію, повторена. Исполнены были: пасторальная симфонія (Бетховена); хоръ изъ Волшебной флейты (Моцарта); хоръ дервишей и маршъ янычаровъ (Бетховена); «Прометей», симфоническая фантазія Франца Листа; хоръ изъ оперы «Морикъ Скиталець» и увертюра изъ «Тангейзера» (Вагнера).—Всѣ хоры и маршъ янычаровъ были повторены—въ особенности хоръ Моцарта былъ исполненъ въ совершенствѣ. Впечатленіе отъ произведеній Вагнера было громадно. Вагнеръ—художникъ, могущественною смѣлою кистию создавшій великолѣпныя музыкальныя картины; огонь, сила творчества, богатство мысли, разнообразіе и художественность формы, но главное—неисчерпаемая фантазія и величіе стилия, вотъ характеристическія черты музыки Вагнера—поэта музыканта. Что-то скажутъ теперь господа, такъ сильно возставшіе противъ насъ за то, что мы первые воздали должное великому современному музыканту?

Впрочемъ, это вопросъ слишкомъ важный, чтобы его рѣшить въ бѣглому отчетѣ; мы хотѣли только занести въ нашу лѣтопись отрадный фактъ, который представляютъ собою концерты Дирекціи. Ихъ будетъ еще нѣсколько, въ томъ числѣ 2-й сегодня и за тѣмъ мы представимъ читателямъ нашимъ общее и подробное обзорѣніе всѣхъ концертовъ. Намъ извѣстно, что въ нихъ будутъ исполнены еще другія произведенія Вагнера и мы надѣемся, что приговоръ публики лучше всего подтвердитъ мнѣніе наше объ этомъ композиторѣ; въ общемъ обзорѣніи объяснимъ тоже, почему симфонія Листа не имѣла успѣха.

Въ прошедшій вторникъ залъ г. Бенардаки представлялъ весьма оживленную картину. Многочисленная публика наполнила его до нельзя; блистательное освѣщеніе, роскошныя туалеты, одушевленные лица слушателей, восторженные крики все свидѣтельствовало, что тутъ тоже совершается музыкальный праздникъ. Дѣйствительно, это былъ музыкальный вечеръ, на которомъ сестры Ферри очаровали всѣхъ своей увлекательной, въ высшей степени граціозной игрой на скрипкѣ. Наконецъ замѣча-

тельнымъ артисткамъ отдана справедливость; наконецъ меломаны наши исправили свою ошибку, заключающуюся въ равнодушіи къ ихъ первымъ двумъ концертамъ. Какъ же не поблагодарить отъ всей души того, кто расшевелилъ наше общество и былъ виновникомъ доставленнаго, всѣмъ присутствовавшимъ на этомъ вечерѣ, наслажденія. Извѣстный любитель и въ полномъ смыслѣ артистъ, по своему таланту и горячей любви къ искусству, Н. С. Мартыновъ энергически занялся устройствомъ вечера, въ которомъ самъ принялъ дѣятельное участіе и мы увѣрены, что всѣ присутствовавшіе искренно благодарны ему: безъ него талантливыя сестры пожалуй уѣхали бы и право меломанамъ нашимъ было бы стыдно за то, что они не познакомились съ артистками, пользующимися громадною и заслуженною извѣстностію въ Европѣ. Надѣмся, что Н. С. Мартыновъ проститъ насъ за нашу нескромность, по мы не могли не назвать его и не поблагодарить отъ лица всѣхъ, бывшихъ на вечерѣ въ прошлый вторникъ. Благодаримъ тоже и другихъ любителей, принявшихъ участіе въ этомъ концертѣ, безъ сомнѣнія, одномъ изъ занимательнѣйшихъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Говорить подробно обо всемъ исполненномъ въ этотъ вечеръ не станемъ; о громадномъ талантѣ сестеръ Ферни читателямъ нашимъ извѣстно уже изъ прежнихъ нашихъ отзывовъ, игра и пѣніе любителей не подлежатъ разбору; прибавимъ только, что и въ нынѣшній разъ мы были очарованы искусствомъ и увлекательною граціею Виргиніи Ферни, мастерствомъ и стилемъ Каролины, неподобною фразировкою обѣихъ, согласіемъ съ какимъ онѣ исполняютъ пьесы унисономъ; однимъ словомъ, всѣми тѣми данными, которыя ставятъ этихъ артистокъ на ряду съ замѣчательнѣйшими современными скрипачами. Въ общемъ выводѣ скажемъ, что Каролина Ферни болѣе представительница классической школы, а Виргинія—романтической, но въ игрѣ обѣихъ замѣтно соединеніе и той и другой школъ. Не входя въ разборъ пьесъ, исполненныхъ любителями, скажемъ, что многіе величающіе себя артистами, могли бы позавидовать имъ; позволимъ себѣ только помѣстить здѣсь имена участвовавшихъ: г-жи Штубе и Лешетицкая, гг. Безобразовъ, Виладовъ, Болотовъ, Батуричъ, Демидовъ и Мартыновъ. Соната Бетховена (fa majeur) исполнена была г-ж. Каролиной Ферни и Н. С. Мартыновымъ вполне артистически; впрочемъ всѣмъ извѣстно, что г. Мартыновъ любитель по своему положенію, но истинный артистъ по исполненію. Кромѣ пьесъ, исполненныхъ г-жами Ферни, большой эффектъ произвели: тріо изъ «Вильгельма Телля», церковная арія Страделлы, (двѣ скрипки, фортепиано и органъ—фисгармоника) прекрасная игра на фисгармоникѣ г. Демидова, и пѣніе г-жъ Штубе и Лешетицкой. У обѣихъ весьма симпатичный, звучный контральто и много души, экспрессіи и изящества въ исполненіи. Кромѣ того у г-ж. Штубе голосъ отличается еще силою; она замѣчательно хорошо, съ большимъ чувствомъ и эффектно исполнила арію изъ «Жизни за Царя»: «Ахъ не мнѣ бѣдному». Вообще вечеръ 8 марта составитъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній нынѣшняго сезона. По общему требованію, сестры Ферни дадутъ еще одинъ концертъ завтра въ Большомъ театрѣ. Концертъ этотъ прощальный; надѣмся, что на этотъ разъ не будетъ недостатка въ слушателяхъ, и что проводы будутъ достойны таланта очаровательныхъ артистокъ.

Въ среду состоялся концертъ Филармоническаго общества. Въ составъ программы вошла большая часть пьесъ, исполненныхъ въ 1-мъ концертѣ Дирекціи подъ управленіемъ г. Шу-

берта же, слѣдовательно новаго немного. Къ тому же мы не были на этомъ концертѣ.

Въ четвергъ въ концертъ Дрейшюка собралась публика многочисленная, но театръ, противъ всякаго ожиданія, былъ далеко не полонъ. Однакожъ имя Дрейшюка слишкомъ двадцать лѣтъ громко въ музыкальномъ мірѣ; въ первое пребываніе его въ Петербургѣ (если не ошибаемся (въ 1842 г.) онъ имѣлъ большой успѣхъ; съ тѣхъ поръ слава его съ каждымъ годомъ росла, такъ что онъ считается въ числѣ немногихъ избранныхъ представителей фортепианной игры; почему же у насъ такое равнодушіе къ истинно-замѣчательнымъ и достойнымъ артистамъ, тогда какъ какіе-нибудь артисты—самозванцы, концертники съ живыми картинами, фокусники или прыжки на лошадяхъ постоянно привлекаютъ у насъ публику. Неужели причиной подобнаго явленія недостатокъ въ чувствѣ изящнаго и совершенное отсутствіе вкуса? Мы ужасаемся при мысли, что предположеніе наше могло бы быть основательнымъ; искренно желаемъ, чтобы мы ошибались и чтобы явленіе это было только минутною случайностію; надѣмся, что второй концертъ г. Дрейшюка докажетъ, что мы дѣйствительно ошиблись. За то тѣ, которые были въ концертѣ этого артиста, не пожалѣютъ о томъ, что поспѣшили послушать его: постепенно увеличивавшійся восторгъ ихъ ясно доказывалъ, что они наслаждались вполне. Г. Дрейшюкъ великій пианистъ въ полномъ значеніи этого слова. Называя его великимъ пианистомъ, мы не имѣемъ въ виду одной только виртуозности, т. е. механической части, которую г. Д. довелъ до высшихъ предѣловъ совершенства; что насъ больше всего поразило въ игрѣ его, это—соединеніе необыкновенной силы съ нѣжностію и граціозностію, мягкость и ровность его туше, его *pianissimo*, пѣвучесть и чувство въ игрѣ; однимъ словомъ, что насъ поразило, это соединеніе въ одномъ лицѣ всѣхъ этихъ отбѣнокъ, которые (каждый отдѣльно) составляютъ обыкновенно специальность многихъ пианистовъ. Октавы г. Д. изумительны по своей силѣ, необыкновенной скорости и ровности; о лѣвой рукѣ не говоримъ: извѣстно, что у Д. нѣтъ лѣвой руки—исполненіемъ одной пьесы (на англійскій національный гимнъ) лѣвой рукой, онъ доказалъ, что у него дѣйствительно ее нѣтъ, мы увѣрены, что иной фортепианный *левъ*, былъ бы счастливъ, еслибъ его правая рука, хотя отчасти приближалась къ лѣвой г. Д. Но главное достоинство этого артиста заключается въ истинно-артистическомъ исполненіи классическихъ произведеній: немногіе даже истинно-знаменитые виртуозы были бы въ состояніи, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, смысломъ, чувствомъ и увлеченіемъ передать намъ всѣ красоты величественнаго и замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ фортепианныхъ концертовъ; конечно мы говоримъ о 5-мъ концертѣ Бетховена, исполненномъ г. Д., еще разъ повторимъ, въ полномъ значеніи этого слова, мастерски.—Г. Д. съ равнымъ пониманіемъ передаетъ всѣ возможные стили—опъ также мастерски исполнилъ извѣстный концертъ Мендельсона (*sol mineur*). Всѣ играютъ этотъ концертъ, но въ исполненіи г. Д. онъ будто бы совершенно преобразовался. Жаль только, что онъ игралъ его послѣ Бетховена—послѣ этого музыкальнаго исполина все прочее блѣднѣетъ, и концертъ Мендельсона, при всѣхъ возможныхъ своихъ красотахъ и весьма интересной оркестровкойъ, невольно казался вялымъ, безцвѣтнымъ; послѣ *величія* Бетховенскаго стиля, прочее кажется какъ-то мало, но это относится къ произведенію, а не къ исполненію. Г. Д. съ равнымъ совершенствомъ исполнилъ ноктюрнъ Шопена и гавоть Баха,

и въ свою очередь увлекъ насъ своей граціозной Сальтареллой и рапсодіей. Сколько разнообразія, свидѣтельствующаго, что талантъ г. Д. многосторонний или лучше сказать *всесторонній*; онъ имѣлъ успѣхъ громадный, вызовамъ не было конца, слѣдующій его концертъ въ среду; ступайте гг. меломаны—право стоитъ.

Изъ предстоящихъ концертовъ зайвимъ нашимъ читателямъ, какъ обещающіе много интереса: концертъ г. Александра Богданова, въ понедѣльникъ, въ Михайловскомъ театрѣ. Г. Богдановъ тоже замѣчательный скрипачъ, такъ блистательно представивъ предъ нашей публикой, въ одномъ изъ концертовъ русскаго музыкальнаго общества, имѣетъ полное право на сочувствіе публики по таланту своему въ качествѣ русскаго. Программа его концерта, объявленная въ афишахъ, интересна и намъ остается пожелать соотечественнику нашему полного успѣха. Извѣстно, что г. Богдановъ удостоенъ первой преміи на конкурсѣ парижской консерваторіи.

Во вторникъ, въ Михайловскомъ же театрѣ, концертъ одного изъ лучшихъ современныхъ виолончелистовъ г. Монтини, отрекомендовавшаго себя нашей публикѣ самымъ блистательнымъ образомъ года два тому назадъ. Въ концертѣ его принимаютъ участіе: г-жа Леонова, гг. Антонъ Контскій, Сент-Леонъ, Колосанги и Вурмъ; имена эти говорятъ сами за себя и не нуждаются въ комментаріяхъ; должно ожидать, что концертъ этотъ привлечетъ многочисленную публику.

Въ среду, въ залѣ купческаго собранія (въ домѣ князя Голицына), концертъ г. Арведа Поортена, о которомъ недавно было говорено въ Вѣстникѣ.

Въ четвергъ, въ Большомъ театрѣ, концертъ Вьетана.

М. Р.

МОСКОВСКІЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

VII.

Бенефисъ г. Владиславлева.—Любопытная книжечка.—Взглядъ г. Хомякова на дѣятельность нашихъ театровъ.—Начало концертнаго сезона.—Концерты Итальянцевъ, гг. Безекирскаго, Вальца и Штуцмана.

Кое-какія спѣшныя занятія и поѣздка моя изъ Москвы мѣшали мнѣ до сихъ поръ сообщить вамъ отчетъ о послѣдней новости окончившагося театрального сезона, о бенефисѣ г. Владиславлева. Онъ давалъ возобновленнаго «Роберта»; но за такое возобновленіе знаменитой оперы, право, нельзя поблагодарить бенефицианта. Лучшее въ новой обстановкѣ «Роберта», конечно, часть декоративная. Декорации и машины тутъ, какъ и вездѣ, почти заслуживаютъ полного вниманія; эта сторона обстановки пьесъ на нашемъ Большомъ театрѣ, рѣшительно доходитъ до роскоши и обязываетъ признательностью за заботливость театрального начальства. Особенно эффектна декорация 2-й картины 3-го дѣйствія: *возстаніе изъ гробовъ*; самос возстаніе удачно устроено г. Вальцемъ, который вмѣстѣ съ г. Шеньяномъ и былъ вызванъ. Что же касается до исполненія, то право, желалъ бы лучше ничего не говорить о немъ; да, на бѣду мою, существуетъ русская пословица: *взявшись за жузъ, не говори, что не дюжъ*. Если бы меня спросили, какаѣ роли исполнены удачнѣе, то я, не обинуясь, указалъ бы на роль короля Сицилійскаго въ исполненіи г. Калинина, который мѣрною поступью вошелъ на сцену, важно сѣлъ на приготовленное для него кресло, глубокомысленно молчалъ (роль эта безъ рѣчей), съ достоинствомъ взиралъ на

танцующихъ и еще съ большимъ достоинствомъ, тою же мѣрною поступью, удалился; словомъ, велъ себя такъ, какъ обыкновенно подобаетъ благопристойнымъ королямъ вести себя на сценѣ. Остальныя роли (роли съ рѣчами, т. е. съ пѣніемъ) были исполнены болѣе или менѣе неудовлетворительно. Развѣ только нѣкоторое исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ роль Алисы, партію которой гораздо удачнѣе другихъ исполнила г-жа Семенова (и то вѣдь только относительно); да, пожалуй, не дурно пропѣлъ небольшую партію Рембо, г. Лавровъ. Г. Владиславлевъ былъ какъ-то особенно не въ голосѣ, и роль Роберта значительно поблѣднѣла въ его исполненіи, тѣмъ болѣе, что артисту не доставало и рельефности въ игрѣ; этотъ недостатокъ всего замѣтнѣе выказался въ послѣднемъ дѣйствіи, въ сценѣ борьбы его между добромъ и зломъ. Г. Куровъ былъ очень хорошо гримированъ въ роли Бертрама, ловко, не безъ нѣкоторой граціозности, драматизировалъ своимъ танцевальнымъ плащомъ, жесты и позы выбиралъ самыя, *soi-disant*, академическія; о пѣніи же его отозваться опредѣлительно очень трудно, потому что голосъ его спустился на столько, что въ мѣстахъ болѣе или менѣе сильныхъ, легко покрывался оркестромъ; вообще же въ этой роли, болѣе чѣмъ въ какой другой, чувствовалось отсутствіе выразительности и полноты въ пѣніи этого артиста. Г-жа Яковлева, въ роли Изабеллы, сдѣлала все, что позволили ей средства; да дѣло въ томъ, что средства-то эти довольно незначительны и она хорошо сдѣлала, что въ послѣдующія представленія передала роль свою г-жѣ Семеновой, исполнявшей такимъ образомъ въ одной оперѣ двѣ роли, изъ которыхъ вторая удалась ей едва ли не болѣе первой. Болѣе всего удалось исполнителямъ дуэтъ и тріо 1-й картины 3-го дѣйствія и тріо 5-го.

Г-жа Собещанская была очень мила въ роли Елены, танцевала легко и граціозно; вообще артистка эта обѣщаетъ быть хорошей танцовщицей. Оркестръ исполнялъ свое дѣло замѣчательно хорошо. Хореографическія мѣста оперы прекрасно поставлены г. Теодоромъ и нашлись нѣкоторые *шпители и суды*, которые, пріѣхавъ въ оперу смотрѣть танцы, и вполне удовлетворившись ими,

«Изрядно, *говорятъ*, сказать не ложно;

Ее безъ скуки слушать можно».

Впрочемъ, большинствомъ, опера была принята весьма холодно.

Другую басню того же дѣдушки Крылова, именно басню *Пустынникъ и медвѣдь*, напомнила мнѣ еще одна *театрально-литературная*, весьма курьезная новость. Изъ типографіи Селивановскаго не такъ давно явилась на свѣтъ Божій небольшая, но полная живаго интереса брошюрка подъ названіемъ: *Нѣсколько словъ о г-жѣ Медвѣдовой*, явилась, опубликовалась въ газетахъ и успѣла уже сдѣлаться библиографической рѣдкостью, потому что изъята изъ продажи. А жалъ! явленіе это на столько необыкновенно въ настоящее время, что должно быть занесено въ московскую театральную лѣтопись. Авторъ брошюрки—нѣкто Θ. Г—кій, аркадскій настушокъ не послѣдней руки и, какъ видно, охотникъ до идилліи всякаго рода. Начинаетъ онъ заявленіемъ сочувствія своего къ драмамъ, переведеннымъ съ французскаго. *Драмы эти*, говоритъ онъ, *въ сущности говоря, очень интересны, и намъ нельзя не поблагодарить г. Ленскаго, который неуспѣнно трудится надъ переводами драмъ и водевилей*, хотя г. Ленскій не пишетъ ничего уже съ 1855 года, въ которомъ явился его послѣдній водевиль *Простушка и востанная*. Далѣе авторъ воскли-

цать: надо сознаться, что, благодаря Богу и прощению, у нас и во исполнителях нѣтъ недостатка и вслѣдъ за этимъ бросаетъ небольшие булжники въ гг. Шумскаго, Самарина и Щепкина и довольно большой въ г. Чернышева, котораго онъ называетъ *явленіемъ до сихъ поръ неожиданнымъ*. Наконецъ нашъ идилликъ добирается до актрисъ и называетъ ихъ *темнымъ пунктомъ*, изъ среды котораго въ ореолѣ свѣта выдѣляется передъ нимъ г-жа Медвѣдева, артистка, *въ полномъ смыслѣ слова, гениальная и омытая съ тѣмъ трудолюбивою*. Съ перваго взгляда, авторъ замѣтилъ было *темный пунктъ* и на самой г-жѣ Медвѣдевой, сказавъ, что она *иногда утрируетъ*; да скорѣе успѣшилъ стереть этотъ пунктъ и благозарумно прибавилъ, что *эта утрированность происходитъ отъ чрезмернаго изученія своей (?) ром.* За тѣмъ слѣдуетъ, если смѣю такъ выразиться, *самый сочный пунктъ* идилліи Ѳ. Г.—каго, который я и рѣшаюсь выписать. *Природа*, (поетъ новый идилликъ,) *союстаюя ея великому таланту, даровала г-жѣ Медвѣдевой привлекательную наружность, соединенную съ приятнымъ и твердымъ голосомъ, съ единственною въ своемъ родѣ (!) интонаціею. Начиная съ прекрасныхъ чертъ лица, и кончая ея маленькой правильной ножкой, вполне достойной бабшачки Сандрильоны, она безукоризненно хороша, стройный ея станъ при величавой походкѣ, придаетъ ей еще больше эффекту. Въ особенности замѣчательно выраженіе ея глазъ. Въ нихъ можно читать любовь и ненависть, мишеніе и презрѣніе и проч. и проч.* Легко повѣрить, что авторъ выучился и, вѣроятно, часто читаетъ написанное въ глазахъ; не худо бы ему такъ-же часто читать и то, что пишется въ книгахъ: тогда онъ по крайней мѣрѣ выучился бы правильнѣе разставлять знаки препинанія и не сталъ бы писать: *драмма, снѣга, остервенелый, неотъемлемой* и проч. Наконецъ, перечисливъ всѣ дары, которыми природа щедро осыпала г-жу Медвѣдеву, авторъ начинаетъ описывать ея домашнюю жизнь; тутъ однако я уже перестаю дѣлать выписки, щадя скромность артистки, которой и безъ того, я думаю, шибко не поздоровилось отъ *этакихъ похвалъ*. А еще г. Ѳ. Г.—кій говорить, что *нельзя не воздать должную хвалу артистамъ...* Я бы на этотъ случай посоветовалъ ему прочесть поучительную басню Геллерта *Der Maler*. Славная басенка! Да не худо бы также ему затвердить и слѣдующую, немножко рѣзкую мораль:

«Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога;

Но за нее не всякъ умѣетъ взяться.

Не дай Богъ—и проч.»

Въ концѣ книжечки авторъ говоритъ о себѣ: *мы не принадлежимъ къ числу театральныхъ библиографовъ*. А это смотря по тому, какъ понимаетъ онъ слово *библиографъ*; его можно перевести на русскій языкъ двояко: *книгописатель* и *книгоисатель*; въ первомъ смыслѣ это слово можетъ быть исполнѣ приложено къ г. Ѳ. Г.—кому; во второмъ—онъ безспорно не *библиографъ*; но за то *биографъ*, и биографъ замѣчательный, такъ что если бы ему вздумалось чаще дарить насъ такими высоко-поэтическими биографіями нашихъ артистовъ, то исторія театра скоро обогатилась бы весьма нужнымъ матеріаломъ. Впрочемъ, говоря словами автора, *надо сознаться, что благодаря Богу и прощению*, такого матеріала мы, кажется, отъ г. Ѳ. Г.—каго не дождемся.—Вотъ тѣ новости, которыми заключился у насъ зимній театральный сезонъ.—Не за долго до масляницы происходило экстраординарное собраніе въ обществѣ любителей Русской Словесности, въ которомъ А. С. Хомяковъ бросилъ бѣглый взглядъ на литературу прошлаго

года и, остановившись на дѣятельности театровъ, пришелъ къ заключенію, что у насъ хореографическое искусство развивается преимущественно передъ собственно драматическимъ и опернымъ. Это, на мой взглядъ, не совсѣмъ справедливо, потому что если брать въ расчетъ производительность, то новыхъ хорошихъ балетовъ почти нѣтъ или такъ же мало, какъ хорошихъ драматическихъ произведеній и оперъ; со стороны же исполнительской драматическая труппа, по крайней мѣрѣ у насъ, всегда стоитъ гораздо выше балетной и отличается замѣчательной полнотой состава. Великопестный концертный сезонъ начался во время моего отсутствія изъ Москвы и быть на концертахъ второй недѣли мнѣ не удалось; поэтому отзовусь о нихъ коротко, основываясь на собранныхъ мною слухахъ. Итальянцы, выписанные, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, какими-то антрепренерами, дали въ Москвѣ три концерта въ Большомъ театрѣ; цѣны мѣстамъ были назначены баснословныя (100 руб. сер. за литерную ложу) и это опять произвело самое невыгодное впечатлѣніе на московскую публику. Кромѣ того и самими концертами удовлетворилась она не исполнѣ. Изъ прѣзжихъ артистовъ радуншѣ другихъ принимала она стараго знакомаго своего г. Кальцолари и г. Эверарди; послѣдняго не столько за самый голосъ, сколько за необыкновенное умѣнье владѣть имъ. Въ г-жѣ Шарнтонъ-Демеръ, замѣчательной по своему искусству пѣвицы, не понравилась только Москвичамъ кокетливая манера пѣнія; впрочемъ въ 1-мъ концертѣ она, говорятъ, съ громаднымъ успѣхомъ исполнила арію изъ оперы: *Плоермельскій праздникъ*, а въ 3-мъ арію изъ оперы: *Севильскій цирюльникъ*. Г-жа Бернади всего удачнѣе спѣла во 2-мъ концертѣ арію изъ оперы: *Волшебный стрѣлокъ* и въ 3-мъ арію изъ оперы: *Maria di Rohan*. Объ остальныхъ по собраннымъ слухамъ отозваться болѣе или менѣе опредѣлительно не могу. Возвратившись изъ за границы молодой скрипачъ нашъ г. Безекирскій концертомъ своимъ (въ понедѣльникъ, 29-го февраля) доказалъ, что не даромъ съѣздивъ на Западъ, публика съ первыхъ взмаховъ смычка его замѣтила большой шагъ впередъ, сдѣланный артистомъ, и единодушными рукоплесканіями благодарила его за это. Въ исполненіи его много силы, живости и экспрессіи. Это голосъ общій. Публикѣ особенно понравилась исполненная г. Безекирскимъ пьеса *Air varié*, соч. Вьетана и потомъ *Souvenir de Moscou*, соч. Венявскаго. Въ этомъ концертѣ участвовали гг. Владиславлевъ, Мео, Дюръ, Кларротъ и Герберъ.—Бенефисъ машиниста Большаго театра г. Ѳ. Вальца составленъ былъ и прошелъ также, говорятъ, исполнѣ удачно; публики собралось довольно и этимъ она показала бенефицианту, что цѣнить его труды и искусство относительно обстановки большихъ пьесъ. Живыя картины, поставленныя имъ самимъ, съ новыми декораціями гг. Шеньяна, Исакова, Бредова и Шингина, были, говорятъ, исполнѣ великолѣпны; впрочемъ половину ихъ видѣлъ я въ бенефисѣ г-на Штудмана (въ воскресенье, 28-го февраля). Бенефисъ этотъ состоялъ изъ 5-ти частей, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ оркестромъ, подъ управленіемъ самого бенефицианта, исполнена симфонія *Heroïka* Бетховена, принятая публикою восторженно. Это значить, что наша публика рѣшительно входитъ во вкусъ. Увертюра изъ оперы: *Le pardon de Plœrmel*, которою началась 3-я часть концерта, не произвела особеннаго эффекта. Гг. Мео и Вики очень хорошо исполнили дуэтъ изъ оперы: *Пуритане*. Г. Шмидтъ сыгралъ на виолончелѣ *Cantilene et Rondo* своего сочиненія, и былъ два раза вызванъ. Г-жа Бендеръ недурно пропѣла романсъ изъ оперы: *Линда ду Шаму-*

ни. Г. Владиславлевъ не совѣмъ удачно спѣлъ романсъ Доницетти *Je sospiro*, въ одномъ мѣстѣ даже сильно сфальшивилъ; за то вполне удачно и съ большимъ чувствомъ пропѣлъ онъ другой романсъ: *Глаза*, музыка соч. Штуцмана, и вызванъ былъ нѣсколько разъ. Г. Кларротъ прекрасно исполнилъ на своей чудной скрипкѣ концертъ (1-е Allegro) Мендельсона. Всѣ живыя картины были бы вполне хороши и эффектны, если бы поставившіе ихъ не упустили изъ виду нѣкоторыхъ, повидимому мелочныхъ обстоятельствъ. Такъ напр., въ прекрасной картинѣ: *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, всю иллюзію разрушилъ мерцающій огонекъ, а въ картинѣ: *Блаженство Паши*, ярко блестяшія серьги, цѣпочки и браслеты. Все движущее въ картинѣ не должно имѣть мѣста. Потомъ въ картинѣ: *Итальянская нья* упущено было изъ виду то, что первое условіе нѣги есть—полное спокойствіе, а поза г-жи Титовой была самая безпокойная. Въ картинѣ: *Утреннее купанье* неприятно поразило меня странное, вовсе неправдоподобное освѣщеніе: одна сторона картины (правая отъ зрителя) освѣщалась обыкновеннымъ дневнымъ свѣтомъ; а другая какъ будто сильнымъ заревомъ пожара и ужъ никакъ не зарею. Лучше другихъ удалась большая движущаяся картина: *Разсвѣтъ* (съ картины Гвидорелли). — Отчеты о другихъ концертахъ сообщу въ слѣдующемъ письмѣ.

А. Важеневъ.

ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА.

(Окончаніе).

Предметомъ изученія и творчества для художниковъ древней Греціи былъ человѣкъ, но скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя сторона его, скорѣе покой мускуловъ, чѣмъ измѣненіе ихъ при дѣйствіи страстей. Итальянцы времени Возрожденія занялись также человѣкомъ, но человѣкомъ полнымъ, состоящимъ изъ плоти и духа. Они изучили модель свою и ножомъ анатомиста, и взоромъ философа; во всѣхъ ея позахъ и движеніяхъ подмѣтили мысль и чувство, въ тѣлѣ поняли душу. Въ этомъ, по моему мнѣнію, наше главное преимущество передъ древними. Позднѣе—живопись двинулась еще далѣе. Изученіе человѣка показалось ей недостаточнымъ, и она обратилась къ остальной природѣ. Земля, вода, животныя и растенія, все стало предметомъ наблюденія и подражанія—даже композиціи; все заняло видное мѣсто въ обширномъ достояніи кисти.

Въ музыкѣ мы замѣчаемъ совершенно аналогическое, чтобы не сказать—тождественное событіе. Со времени Лютеровыхъ хораловъ, вырвавшись изъ храма, музыка не только распространилась повсюду и послѣ попытокъ Монтеверде водворилась въ театрѣ, но, благодаря изобрѣтенію новыхъ инструментовъ, открыла себѣ еще обширнѣйшее и независимѣйшее поприще; человѣческій голосъ пересталъ для нея быть необходимостью, и она предалась инструментаци. Пейзажи Рюйдаля, стада П. Поттера, цвѣты Ванъ-Хуйсума и даже овощи Кальфа заняли почетное мѣсто среди картинъ, а въ музыку другъ за другомъ проникли fuga Баха, соната Скарлатти, квартетъ Гайдна и симфонія Бетховена.

Мнѣ кажется, что безъ всякой натяжки, но строго соображаясь съ этими историческими данными, можно постановить слѣдующее положеніе: историческій родъ живописи, гдѣ чувство человѣка играетъ главную роль, гдѣ природа является только обстановкою людской драмы и гдѣ по этой причинѣ *рисунокъ* требуетъ большаго совершенства, такая живопись,

духовная или свѣтская, соотвѣтствуетъ вокальной музыкѣ, музыкѣ драматической, экспрессивной, въ которой *мелодія* стоитъ на первомъ планѣ. Напротивъ, смѣшанный родъ живописи, гдѣ человѣкъ является только частью остальной природы, гдѣ художнику предоставлена большая свобода и гдѣ должно господствовать достоинство *колорита*, такая живопись соотвѣтствуетъ инструментальной музыкѣ, гдѣ выраженіе человѣческой страсти становится на второй планъ, гдѣ композиторъ разрѣшенъ отъ стѣснительныхъ условій и гдѣ *гармонія* можетъ преимуществовать предъ мелодіей.

И такъ, мелодія въ музыкѣ—то же, что рисунокъ въ живописи, гармонія—то же, что колоритъ. Вникнемъ обстоятельнѣе въ это сближеніе. На самомъ дѣлѣ, что такое мелодія, какъ не разумный рядъ звуковъ, подобно тому, какъ рисунокъ есть разумный рядъ линий и контуровъ? Что такое гармонія, какъ не одновременная совокупность нотъ, подобно тому, какъ колоритъ есть совокупность согласующихся оттѣнковъ? Музыкантъ въ полномъ правѣ употреблять выраженіе: *мелодическій рисунокъ*, а живописецъ толковать о *гаммѣ тоновъ*; братство двухъ искусствъ безобязанно можетъ отражаться и въ языкѣ ихъ слугителей.

Взгляните, какъ различные народы безсознательно привязывались къ одному и тому же и въ живописи, и въ музыкѣ. На Югѣ, въ Италіи и Испаніи, живопись не можетъ отрѣшиться отъ событій человѣческой жизни, а музыка—обойдись безъ человѣческаго голоса, или жеста; тамъ картина—всегда портретъ, или исторія, а музыкальная пѣса—всегда пѣнье, или танецъ. Напротивъ, на Сѣверѣ, въ Германіи и Голландіи, живопись безразлично приковывается ко всему, что поражаетъ воображеніе; точно также и музыка этихъ странъ, считая человѣческій голосъ и жесты дѣломъ несущественнымъ, идетъ широко и свободно стезею инструментаци. Рембрандтъ и Бетховенъ, два великихъ колориста, родились на берегахъ Рейна. Джотто и Палестрина, два замѣчательныхъ рисовальщика, явились подъ небомъ Авзоніи. Моцартъ, по своему происхожденію, и нѣмецъ, и итальянецъ, потому что родился въ Тиролѣ, на краѣ, отдѣляющемъ Италію отъ Германіи; отъ того-то онъ занимался всѣми родами музыки, приводя въ полное равновѣсіе мелодію и гармонію: его можно назвать Рафаэлемъ, за рисунокъ и экспрессию въ операхъ, и, пожалуй, Альбертомъ Кюейпомъ, за колоритность, широту и ясность въ прочихъ композиціяхъ.

Но да не думаютъ читатели, что я, хотя мысленно, отдѣляю гармонію отъ мелодіи, колоритъ отъ рисунка. Напротивъ, я знаю и утверждаю, что музыка заключаетъ въ себѣ двѣ нераздѣльныя части—мелодію и гармонію, а живопись—такія же части—рисунокъ и колоритъ. Я только замѣтилъ, что, судя по духу народа, той или другой изъ этихъ нераздѣльныхъ частей дается преимущество, что одна изъ нихъ превышаетъ другую, не отвергая ея присутствія. Когда же я говорилъ о второпланности человѣка въ смѣшанномъ родѣ живописи и въ инструментальной музыкѣ, то разумѣлъ не *субъективнаго* человѣка, не того, который творитъ, изобрѣтаетъ. Личность художника неминуемо выражается въ его созданіяхъ, и, безъ сомнѣнія, душа Рюйдаля столько же просвѣчиваетъ въ его меланхолическихъ ландшафтахъ, сколько душа Рафаэля въ идеальномъ ликѣ его мадоннъ; подобнымъ образомъ, личность Бетховена столько же отразилась, напимѣръ, въ С-мольной симфоніи, сколько личность Моцарта въ его *Донъ-Жуанъ*. Нѣтъ, я разумѣлъ человѣка *объективнаго*, т. е. зримаго и ося-

заемаго, а слѣдовательно имѣю полное право утверждать, что въ пейзажѣ Рюйсдала пѣтъ человѣческой драмы, необходимой для исторической картины, а въ симфоніи Бетховена пѣтъ человѣческаго голоса, безъ котораго не обходится опера.

И такъ, за исключеніемъ хронологическихъ цифръ, показывающихъ постоянное опаздываніе музыки, ея исторія вполне похожа на исторію живописи; похожа уже и потому, что у каждаго изъ различныхъ родовъ находимъ особую живопись и особую музыку. Сѣверная живопись поситъ тотъ же отпечатокъ, что и сѣверная музыка; южная живопись представляетъ тѣ же черты, что и южная музыка. Гдѣ преобладаетъ рисунокъ, тамъ господствуетъ и мелодія; гдѣ блещетъ колоритъ, тамъ процвѣтаетъ и гармонія. Во всей исторіи сравниваемыхъ искусствъ встрѣчается только одно противорѣчіе нашимъ словамъ, но оно—чисто дѣло случая и показываетъ, какъ иногда простой смертный оказываетъ огромное вліяніе на постепенный ходъ событій. Такой смертный былъ Моцартъ. Его творчество, такъ сказать, было озеромъ, въ которое на время влились два великихъ музыкальных потока—южный и сѣверный. Музыка Моцарта нельзя назвать ни нѣмецкой, ни итальянской: она просто *музыка*. Продолжимъ наше сравненіе. По смерти Моцарта, оба потока покинули общее ложе и снова помчались отдѣльно: нѣмецкій потокъ направился чрезъ Бетховена, за которымъ слѣдовали Веберъ, Мендельсонъ и Вагнеръ; итальянскій потокъ проложилъ себѣ дорогу чрезъ Россини, за которымъ явились Беллини, Доницетти и Верди.

Живопись не представляетъ этого интереснаго и поучительнаго факта. Въ Италиі и Германіи, два музыкальных потока, какъ я сказалъ, стремились не только параллельно, но и одновременно; Моцартъ случайно очутился при ихъ соприкосновеніи. Напротивъ, въ живописи, южная и сѣверная школы были значительно раздѣлены и временемъ, и разстояніемъ; онѣ шли слишкомъ неровными шагами, ихъ золотой вѣкъ выпалъ въ разную пору, такъ что невозможно было явиться гению, способному ихъ сблизить и соединить. Конечно въ Рафаэлѣ были всѣ данныя для такой великой роли, но онъ вполне принадлежалъ своей родинѣ, своему времени. Могъ ли онъ предугадать реализмъ, или лучше пантеизмъ, который чрезъ столѣтіе внесли въ искусство голландцы, противники католицизма и соотчичи Спинозы? Одинъ Рубенсъ, блиставшій въ эпоху, когда фламандская живопись старалась осѣжитья подражаніемъ итальянцамъ, одинъ Рубенсъ могъ бы рѣшить трудную задачу, слить обѣ школы. Онъ понималъ эту задачу, работалъ надъ ней, но безуспѣшно, и живописи не суждено было увидѣть своего Моцарта.

При взглядѣ на современное состояніе искусствъ, продолжать ли наше сравненіе? Описывать ли печальныя времена музыки и живописи?... Не изсякли таланты, не заснула любовь къ труду, не потухъ божественный пламень творчества; однако надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть повсемѣстнаго и всеобщаго паденія искусствъ. Тяжкая, неизлѣчимая болѣзнь овладѣла ими, и причину этой болѣзни слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ истощеніи сюжета и формъ, въ погонѣ за невозможной оригинальностью, въ жаждѣ матеріальнаго прибытка замѣнившей жажду славы, съ другой—въ извращеніи общественнаго вкуса, предпочитающаго литографію картинъ, статуэтку статуѣ, пѣсенку ораторіи. Поразительныя противорѣчія, обуревающая наше общество: вѣра и безвѣріе, возвышенныя стремленія и пошлыя страстишки, глубокое знаніе и

крайнее невѣжество, все говоритъ намъ, что мы стоимъ на рубежѣ двухъ эпохъ, среди іредсмертныхъ конвульсій отжившаго порядка вещей, передъ разсвѣтомъ новой жизни. Прѣжнее искусство одряхлѣло, а новое не явилось, хотя и предвидится талантливѣйшими и добросовѣстными слугами изящнаго. Воодушевленный мыслью о новомъ искусствѣ, Овербэкъ предается посту и молитвѣ, чтобы хоть въ сновидѣніи представилъ ему отлетѣвшій изъ живописи идеалъ. И все-таки находятъ близорукіе судьи, которые видятъ въ картинахъ этого художника одну странность, даже сумасшествіе!... Рихардъ Вагнеръ первый ясно указалъ намъ на будущую музыку; и вотъ, толпа рутинеровъ недовѣрчиво смотритъ на его музыкальныя драмы, считаетъ ихъ педантствомъ, плодомъ гордости, или помѣшательства. Будемъ уважать благородныхъ предвозвѣстниковъ неизвѣстнаго намъ идеала, будемъ терпѣливо ожидать его появленія; онъ рано или поздно, но не приминетъ подняться надъ горизонтомъ искусства. Тогда, быть можетъ, различныя области изящнаго сблизятся еще болѣе: музыка станетъ настоящею живописью, живопись—настоящею музыкой.

А. СОМОВЪ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Театръ въ Одессѣ.—Благотворительные спектакли въ Кишиневѣ.—Опера въ Кишиневѣ.—Опера въ Ригѣ.—Концертъ Мортье-де-Фонтена.—Новая опера Князя Понятовскаго.—Россини и Фульдъ.—Орфей и Жильблязъ.—Бульварная драма.—Новый журналъ.—Редакторы въ кринолинахъ.—Новая комедія.—Талгейзеръ на парижской сценѣ.—Тихачекъ.—Уладокъ драматической литературы въ Бельгій.—Возобновленные пьесы.—Опера въ Берлинѣ.—Подарокъ Мейербееру.

Театръ въ Одессѣ ведетъ свои дѣла самымъ удовлетворительнымъ образомъ: три раза въ недѣлю итальянская опера, три раза русскія представленія. Въ бенефисъ г-жи Протасовой публика такъ оживилась, что напомнила многимъ одесскимъ старожитамъ бывшее время, когда партизаны различныхъ партій чуть не рѣзались, чтобы доказать кто лучше, *по ихъ мнѣнію*, играетъ или поетъ. Бенефициантку вызвали разъ шесть, подносили браслеты и букеты, и вообще, наперекоръ враждебнымъ партіямъ, партизаны ея успѣли доказать, что довольны ея игрою и прѣжными сценическими заслугами. Въ бенефисъ г. Васильева, который своимъ талантомъ успѣлъ приобрести общее, единодушное расположеніе публики, театръ былъ совершенно полонъ; давали *Станціоннаго Смотрителя*.

Не мало также шуму въ Одессѣ произвело представленіе оперы мѣстнаго композитора г. Катакузеноса: *Антоніо Фоскарини*. Музыка, по отзывамъ одесскихъ дилетантовъ, написана въ обыкновенномъ итальянскомъ стилѣ и подходит къ манерѣ Верди. Обычные посѣтители итальянской оперы въ Одессѣ съ сожалѣніемъ разстались съ двумя лучшими артистками труппы, г-ж. Тати и Поцца. Первая ангажирована на Вѣнскую сцену, а вторая отправляется въ Италію, по окончаніи сезона. Обѣ пѣвицы отличаются симпатичными, обработанными голосами и развязной игрой.

Дворянскіе выборы въ Кишиневѣ всегда сопровождались общественными удовольствіями, но нынѣшній годъ къ обыкновеннымъ увеселеніямъ присоединилась и благотворительность. Воспитанники Кишиневской гимназіи, первые устроили спектакль въ пользу бѣдныхъ, составленный изъ пьесъ: русской—*Доходное мѣсто*, Островскаго; французской—*Le Médecin malgré lui*, Мольера, и Молдавской: *о нунта царянка*, т. е. *царянская свадьба*, соч. Александри. Изъ денегъ, собранныхъ за спектакль (около 500 р. сер.), предположено часть роздать

бѣднымъ воспитанникамъ, часть ассигновать на бібліотеку для вольноприходящихъ учениковъ, а около 200 р. вручить тѣмъ изъ бѣдныхъ воспитанниковъ гимназіи, которые, по окончаніи курса наукъ, пожелаютъ вступить въ университетъ. На масляницѣ, любителями и любительницами данъ еще одинъ благотворительный спектакль. Не смотря на значительно-возвышенныя цѣны, театръ былъ совершенно полонъ, и обильный сборъ розданъ бѣднымъ. Въ этой благотворительной забавѣ принялъ участіе цвѣтъ общества Кипинева.

Дѣятельность рижскихъ трупиъ, оперной и драматической, заслуживаетъ вниманія; каждую педѣлю, въ бенефисъ, ставится новая опера, или драма и разыгрываются всегда добросовѣстно, если и не всегда безукоризненно.

Въ бенефисъ пѣвица Лейтнера дана комическая опера Обера : *Stolz, La Neige*. Хотя эта опера не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній французскаго композитора, но многіе мотивы очень граціозны и вызвали громкое одобреніе; только партія оркестра исполнила свое дѣло гораздо лучше чѣмъ пѣвицы. Въ бенефисъ талантливой пѣвицы г-жи Унгеръ, явились три повести, оперетки Оффенбаха: *Свадьба при фонаряхъ, Двухунка изъ Элизотто* и комедія Мозера, *Wie denken sie über Frankreich?* Веселыя оперетки Оффенбаха поправились рижской публикѣ; легкая и пезатѣйливая музыка директора парижскаго театра Bouffes Parisiens была исполнена весьма удовлетворительно пѣвцами и новыя оперетки вѣроятно на долго сохранятся въ репертуарѣ.

На драматической сценѣ Риги возобновлены довольно неудачно двѣ старыя пьесы, передѣланныя съ французскаго, Бернштейномъ, драма : *Marie Anne* и скучная трагедія Раупаха : *Король Энцио*. 21 февраля давалъ въ Ригѣ музыкальное утро извѣстный исполнитель классической музыки, піанистъ г. Мортъе-де-Фонтенъ. Онъ исполнилъ послѣднюю сонату Бетховена, фугу Себастьяна Баха, роццо Моцарта, вариации Генделя, менуэтъ Гайдна, также нѣсколько пьесъ Мендельсона и Шумана.

Давно возвѣщенная опера Князя Попятовскаго, о которой не разъ было говорено въ нашихъ Вѣстяхъ, наконецъ представлена на сценѣ парижской Большой оперы. Авторъ оперы : *Петръ Медичи*, такъ называется новое произведеніе князя Попятовскаго, опытный и просвѣщенный музыкантъ, уже извѣстный въ музыкальномъ мірѣ; по произведеніямъ свѣтскихъ композиторовъ, даже самыхъ талантливыхъ, большею частію, всегда недостаетъ двухъ вещей : труда и того индивидуальнаго отпечатка въ музыкѣ, который называютъ оригинальностью. Эти два недостатка проглядываютъ, нѣсколько, и въ оперѣ князя Попятовскаго, по все же нельзя не отдать справедливости знатному маэстро въ искусствѣ композиціи, въ гармонической стройности цѣлаго. Увертюра отличается нѣмецкимъ стилемъ, смѣшаннымъ съ итальянскимъ. Она начинается религиозными, меланхолическими аккордами, смѣняющимися итальянской баркароллою; мотивъ баркароллы повторяется не разъ до поднятія занавѣса. Вотъ краткое содержаніе либретто: два брата любятъ одну и ту же женщину. Старшій изъ соперниковъ называется Петръ Медичи; онъ владѣтельный герцогъ Флоренціи и Пизы, послѣ смерти своего отца. На сценѣ Оперы, какъ и въ исторіи, Петръ Медичи—развратный и ни къ чему неспособный тиранъ. Братъ его Юліанъ отличается лучшими качествами и любимъ народомъ. Изъ флорентинскихъ лѣтописей извѣстно, что, когда разъяренный народъ выгналъ

изъ Флоренціи Петра Медичи, утопившаго въ морѣ, послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ овладѣть потерянною властію, Юліанъ былъ на время назначенъ, папою Юліемъ II, главою флорентинскаго правленія. Но по волѣ либреттистовъ Сень-Жоржа и Пачини дѣло происходитъ иначе. Юліанъ самъ возстановляетъ городъ противъ своего брата, чтобъ отомстить ему за свою возлюбленную Лауру Сальвиати, которой приходится выбирать между бракомъ съ тираномъ и вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырѣ; двунка выбираетъ монастырь. Для освобожденія Лауры, Юліанъ вооружается противъ брата. Петръ, оставленный своимъ войскомъ, смертельно раненъ въ битвѣ и какъ настоящій оперный герой тотчасъ же переищается: пороки его превращаются въ добродѣтели, онъ хочетъ загладить свою несправедливость противъ брата, снѣсится въ монастырь, куда заперли, по его приказанію, графиню Сальвиати, по уже поздно. Она принадлежитъ Богу, говоритъ, указывая на небо, великій инквизиторъ, Фра Алтоіо, дядя заточенной жертвы, честолюбивый и жестокий фанатикъ, какъ это и подобаетъ басу.— Противъ обыкновеннаго закона оперъ, тиранъ является въ лицѣ тенора, а угнетенный любовникъ въ лицѣ баритона. Въ главныхъ роляхъ Петра Медичи и Лауры очень хороши были г. и г-жа Геинаръ. Постановка оперы чрезвычайно великолѣпна и стоила, какъ слышно, 125 тысячъ фр.

На генеральной репетиціи г. Фульдъ встрѣтился въ корридорѣ съ Россини, 15 лѣтъ уже не бывавшимъ въ Большой оперѣ, и спросилъ его мнѣніе объ новой оперѣ.

— Въ музыкѣ есть много прекрасныхъ мѣстъ, отвѣчалъ маэстро.

— А постановка-то какова? чудо? спросилъ Фульдъ.

— Слишкомъ хороша, возразилъ Россини; излишняя роскошь всегда вредитъ оперѣ.

Во второмъ дѣйствіи вставленъ мнѣологическій дивертисментъ : *Любовь Діаны и Эндиміона*. Г-жа Феррарисъ, въ роли Діаны, по прежнему, восхищала своими воздушными танцами. На первомъ представленіи *Петра Медичи* присутствовали императоръ, императрица, дворъ и весь цвѣтъ парижской аристократіи, финансовъ, литературы и проч. Между тѣмъ, Большая опера дѣятельно галита репетиціями *Семирамиды*, для прославленныхъ сестеръ Маркизіо. Опера Галеви *Геркуланумъ* будетъ дана, нынѣшнее лѣто въ Лондонѣ и на нѣкоторыхъ театрахъ Италіи. Мери переводитъ свое французское либретто на итальянскій языкъ.

На сценѣ Лирическаго театра, *Орфея* Глока думаютъ замѣнить какимъ нибудь произведеніемъ Моцарта или Бетховена. Готовятъ также новую оперу Семе *Жильблазъ*; главная роль Жильблаза написана для г-жи Югальдъ.

Изъ драматическихъ пьесъ стоитъ только упомянуть о новой драмѣ Виктора Сежура, данной на театрѣ Амбигю, подъ названіемъ : *Compère Guillery*. Драма отличается громадными эффектами, напыщеннымъ слогомъ, клятвами во вкусѣ среднихъ вѣковъ, громомъ оружія и прочими принадлежностями бульварныхъ драмъ. *Кумъ Гильери*, британскій дворянинъ, который, чтобъ отомстить поруганію своего герба и кровь матери, поднимаетъ знамя возмущенія и дѣлается ужасомъ своей страны. Главная роль написана для извѣстнаго актера Мелнга.

Нѣсколько остроумныхъ парижскихъ актрисъ согласились издавать еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ : *La Chatte Blanche*. Главную редакцію будутъ составлять: г-жи Дашъ, Дюверже, Сусанна Лажье, Анна Деліонъ, Альфонсина и др.

Безъ сомнѣнiя, новый журналъ будетъ имѣть успѣхъ подъ управленiемъ такихъ хорошихъ редакторовъ; и въ самомъ дѣлѣ, кто лучше этихъ дамъ знаетъ натуру человѣческую: имъ хорошо знакомы нити, за которыя нужно дергать, заставляя тащовать свѣтъ, имъ наизусть знакомы всемирныя кулисы.

На сценѣ Лирическаго театра представлена новая опера Гуно: *Филемонъ Бавкида*. Гуно, безспорно, опытный и даже ученый музыкантъ, но музыкѣ его часто не достаеъ вдохновенiя и жизни. Такъ и въ новой его оперѣ монотонность сюжета имѣла влiянiе и на музыку; въ ней мало мелодической новизны и разнообразiя. Роль Бавкиды превосходно исполняетъ Миоланъ-Карвалло.

Одеонъ обогатился новой пятиактною комедiей, въ стихахъ, г. Амедея Роллана: *Un parvenu*. Комедiя эта, живое описанiе нравовъ и характеровъ, отличается звучными стихами. Въ новой комедiи, разбогатѣвшiй поселянинъ выставленъ не въ смѣшномъ и глупомъ видѣ, какъ это бывало въ прежнихъ комедiяхъ, но образцемъ честности, благородства и здраваго ума, пробудившемъ совѣсть даже въ продажной лореткѣ; въ контрастѣ ему выставленъ негодяй графъ, родъ Мефистофеля во фракѣ. Рассказывать содержанiе комедiи лишнее; авторъ хочетъ доказать, что выскочка, нажившiй богатство честнымъ трудомъ, имѣетъ несомнѣнное преимущество предъ безсовѣстно разбогатѣвшимъ аристократомъ.

Въ концѣ мая готовится на сценѣ итальянской оперы Парижа первое представление оперы Ричарда Вагнера: *Tannhäuser*. Знаменитый германскiй теноръ Тихачекъ займетъ главную роль Тангейзера; несмотря на долгую службу театру, голосъ Тихачека не утратилъ своей звучности и покрываетъ нерѣдко оркестръ.

Недавно, въ Брюсселѣ, на сценѣ тамошняго цирка, явилась національная драма, подъ громкимъ названiемъ: *Воина*, двухъ фламандскихъ авторовъ Катса и графа О'Келли. Давно

уже въ Брюсселѣ стараются возстановить отечественную литературу. Бельгiя, богатая живописцами и музыкантами, почти не имѣетъ драматическихъ писателей и должна заимствовать комедii, драмы и оперы у своихъ ближайшихъ сосѣдей. По этому, новая драма была принята съ радостнымъ любопытствомъ, но не оправдала общихъ надеждъ. Пять дѣйствiй этой длинной пьесы ведутъ къ развитiю самой старой мысли, что война весьма варварское занятiе, которое раззоряетъ поселянъ, отнимаетъ сыновей у ихъ матерей, жениховъ у невѣстъ и т. д. Эта весьма справедливая мысль выражается при каждой сценѣ большимъ запасомъ криковъ, проклятiй, угрозъ; сверхъ того монотонныя тирады приправлены нѣсколькими ружейными выстрѣлами, вотъ и вся драма. И такъ, еще разъ, обманувшись въ своихъ ожиданiяхъ, брюссельскiе любители драматическаго искусства должны довольствоваться возобновленiемъ пьесъ французскихъ писателей и смотрѣть прiѣзжихъ парижскихъ артистовъ въ комедiи Мольера: *Le Dépit amoureux*, въ *les Demoiselles de Saint-Cyr*, А. Дюма и во *Второй Молодости*, Марiо Юшара.

Итальянская опера въ Берлинѣ, во вновь выстроенномъ театрѣ *Victorien*, открылась оперой Доницетти: *Don Pasquale*. Но исполнение было далеко неудовлетворительно, несмотря на всѣ старанiя пѣвцовъ Делле-Седи и Фрицци. Въ роли Норины дебютировала американская пѣвица Вильгоретъ; голосъ ея свѣжъ и звученъ, но пѣнiе не производитъ никакого впечатлѣнiя.

Послѣ одного придворнаго концерта, въ которомъ Мейербееръ дирижировалъ оркестромъ, знаменитый маэстро получилъ отъ принцессы Прусской дорогой капельмейстерскiй жезлъ. Это уже 33 подарокъ, въ этомъ родѣ, который онъ получаетъ. Осенью Мейербееръ думаетъ поставить на сцену театра Викторiи свою оперу: *Pardon de Ploërmel*; онъ рѣшительно объявилъ, что королевская берлинская опера не въ состоянiи исполнить его произведенiе. И по этому онъ поручилъ исполнение итальянской труппѣ.

Некрологъ Заслуженный актеръ нашей французской труппы г. Давлуи, скончался недавно послѣ тяжкой болѣзни.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ: РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢСНИ СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПИАНО:

Булаховъ. Бывало къ вамъ душа просилась . . .	60 к.	»	Я помню (романсъ пѣтый г. Леоновой).	40 к.
» Ахъ вы годы, мои годы	60 к.	»	Когда гляжу тебѣ въ глаза.	40 к.
Вильбоа. На кровы ближняго селеня, на 2 голоса. 1 р.	15 к.	Кладищевъ. Плѣвившись розой соловей.	40 к.	
Даргомъжскiй. Къ друзьямъ, на 2 голоса.	85 к.	Шульгинъ. Во снѣ неутѣнно я плакалъ.	40 к.	
Демидовъ. Если жизнь тебя обманеть.	40 к.	»	Не искушай меня безъ нужды, элегiя	50 к.
» Колыбельная пѣсня.	40 к.			

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 12 марта 1860 года. Цензоръ А. Ярославцовъ.

Въ типографiи Ф. Стелловскаго.

Редакторъ М. Раппапортъ